

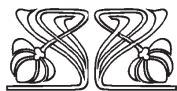
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94–21 (470.44) |17/ 18|

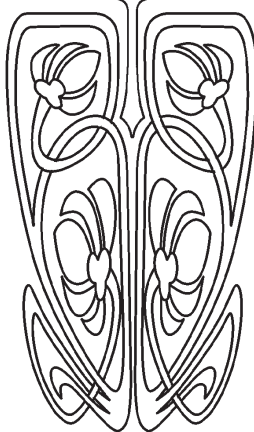
КУЛЬТУРНЫЕ НОВШЕСТВА В СРЕДЕ КУПЕЧЕСТВА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В XVIII – начале XIX в. в среде русского купечества тяготение к культурным новациям проявлялось в том, что богатые купцы стремились приобщиться к европеизированной культуре дворянства. В городах Саратовской губернии в тот период только вольские купцы благодаря своему богатству могли воспринять некоторые стороны дворянской культуры.

К 50-м гг. XIX в. в среде саратовского купечества оформились новые культурные приоритеты, у купцов проявляется стремление к обеспечению своим детям высшего образования. Наиболее богатые из них начали выступать инициаторами создания новых элементов культурного потенциала и культурно-коммуникативных центров губернского города. Возникновение мемуаротворчества в купеческой среде является показателем осознания самоценности человека своего сословия.

Ключевые слова: саратовское купечество, культурные новшества, купеческие мемуары, культурно-коммуникативные центры, интеллектуальные кружки.

Cultural Innovation Among Saratov Province Merchants in Late XVIII – First Half of the XIX Century

A. S. Mayorova

Late XVIII and early XIX centuries saw the attraction to cultural innovations among Russian merchants manifested in the fact that wealthy merchants sought to join the westernized culture of the nobility. Of all the cities of Saratov province of that period only Volsk merchants could acquire some aspects of aristocratic culture due to their wealth.

By the middle of XIX century new cultural priorities of Saratov merchants took shape; the merchants now were willing to give their children higher education. The richest of them initiated the creation of new elements of the cultural potential and cultural and communication centers of the provincial town. The popularity of memoir writing among the merchants is an indicator of the growing awareness of the intrinsic value of human of their estate.

Key words: Saratov merchants, cultural innovation, merchant memoirs, cultural and communication centers, intellectual circles.

Город сформировался как особая целостность, особый отдельный мир. На протяжении всей своей истории город не только функционировал, он оказывал преобразующее воздействие на развитие отношений в обществе и организацию социокультурного пространства. Основная цель города – обеспечение сообществу оптимальных условий жизнедеятельности, труда, общения, отдыха и т. п. Он отличается от других типов поселений своей особой структурой и значительным по количеству и плотности населением. Специфику города определяют не только социально-топографические особенности и хозяйственные занятия населения, но также и образ жизни, быт, производственный и общественный уклад, формы общежития и собственная культура.

И. И. Свирида называет города «локусами, которые служат точками сгущения культурной энергии, пространством бытования различных искусств, определяют векторы культурной ориентации»¹. В

городах сосредоточены не только товарообмен и товарное производство, но также институты власти, религиозного культа и культуры. Среди населения городов встречаем социальные группы, которые определяют специфику городской среды. Самая заметная среди них, которая характерна для русских городов уже на ранних этапах их существования – это купечество. Несмотря на то, что этот социальный слой играл очень важную роль в экономике России, его культурные ориентиры в течение многих веков не обладали самостоятельностью.

Историки обычно указывают на то, что в XVIII – начале XIX в. основная масса русского купечества оставалась в сфере народной культуры. Те же из них, кто достигал высокого уровня благосостояния, стремились приобщиться к «европеизированной культуре дворянства»². Однако внимательными исследователями уже отмечены перемены в культурном облике русского купечества, которые были результатом внутренних процессов, происходивших в его среде. А. В. Семенова и А. И. Аксенов подчеркивают, что вторую половину XVIII – первую половину XIX в. можно охарактеризовать как переломный период для менталитета русского купечества. Основным показателем этого перелома они считают ясно обнаружившуюся тенденцию к росту его образовательно-культурного уровня. В это время, по их мнению, «шел процесс создания национального типа купца-предпринимателя, озабоченного не только личным обогащением, но и идеями общественного служения, гражданского долга...»³ В первом томе коллективной монографии «Очерки русской культуры XIX века» В. Н. Козляков и А. А. Севастьянова, анализируя культурную среду провинциального города первой половины XIX в., сообщают очень интересный факт – участие купечества в культурной жизни губернского центра. Членами кружка Н. И. Второва, который существовал в Воронеже в 1848–1857 гг., были купцы И. А. Придорогин и А. Р. Михайлов. Причем второй из них охарактеризован как один из самых просвещенных воронежских жителей⁴.

В трудах историков-регионоведов пока можно отметить первые шаги в изучении культурного облика купечества Саратовской губернии, а также новаций, которые проникали в его среду. При этом следует отметить, что вопрос о культурных новшествах, носителем которых были представители купечества губернии, затрагивался в ряде работ дореволюционных историков. Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский писали о купцах, которые являлись первыми книгопродавцами в Саратове, а Н. Ф. Хованский – об организаторах купеческих клубов⁵. В коллективных трудах «Очерки истории Саратовского Поволжья» и «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период»⁶ проблемы культурного облика обитателей городов и, в частности, купечества не освещались. Диссертация В. В. Кузнецова является первым

специальным исследованием, в котором рассматриваются различные стороны жизни купцов малых волжских городов Саратовской губернии⁷.

Отдельная глава в ней отведена духовной и общественной жизни купечества малых городов Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX в.⁸ При рассмотрении духовной жизни представителей этого сословия основное внимание автор уделяет изучению характера распространения среди них старообрядчества. Таким образом, он акцентирует внимание на традиционных аспектах сословной культуры. В соответствии с темой своей работы Кузнецов не привлекает материалов о духовной жизни купцов губернского города. Несколько по-иному он рассматривает эту проблему в специальной статье об участии волжского уездного купечества в общественной жизни губернии⁹. В ней Кузнецов представил материал по двум вопросам – об участии купцов в органах сословного и городского самоуправления и о характере их благотворительности. В данном случае автор использовал сведения не только по уездным городам губернии, но и по Саратову. Заслуживает внимания его наблюдение о том, что в первой половине XIX в. появились светские черты в купеческой благотворительности. Купцы оказывали финансовую поддержку не только Церкви, но также и медицинским, и образовательным учреждениям¹⁰.

Существуют также работы, посвященные купеческим семействам, которые оставили заметный след в истории культуры Саратова. В статье М. В. Булычева и Е. К. Максимова представлены ценные сведения о купцах Вакуровых – Дмитриии Максимовиче и его сыне Василии Дмитриевиче¹¹. Они показывают значительные заслуги Вакуровых в распространении просвещения в губернском городе. Н. В. Самохвалова смогла выявить интересные факты, касающиеся деятельности купца Франца Осиповича Шехтеля, его брата Осипа Осиповича и их близкого родственника купца Тимофея Ефимовича Жегина. Они активизировали театрально-концертную жизнь Саратова в середине XIX в.¹² В обеих статьях убедительно показано, что уже в первой половине XIX в. в купеческой среде появились образованные люди, которые были ориентированы на деятельность в сфере образования и культуры.

Источниками для изучения состава саратовского купечества и его сословной культуры являются статистические описания и заметки статистиков первой половины XIX в., в которых можно найти сведения о численности представителей этого сословия по городам, а иногда – и характеристики их социокультурного облика. Самая ранняя фиксация сведений такого рода содержится в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г. Оно было опубликовано совсем недавно¹³. К сожалению, в более позднем статистическом описании губернии, опубликованном А. Ф. Лео-

пользовым в 1839 году, имеются только численные данные о купечестве городов по гильдиям¹⁴. Они позволяют получить некоторое представление о степени благосостояния купцов того или иного города. Общеизвестно, что культурные новшества становились ориентирами в жизни представителей именно богатого купечества. Поэтому судить о степени их распространения среди купцов можно на основании данных об их благосостоянии. Очень интересные сведения о культурных традициях и новациях в среде купечества Вольска содержатся в очерке Н. И. Костомарова «Поездка в г. Волгск», составленном им в период работы в саратовском губернском статистическом комитете¹⁵.

Существенными достоинствами среди источников, которые помогают представить новшества в сословной культуре купечества губернии, обладают свидетельства мемуаристов. Довольно значительное место уделено описанию купеческих нравов в губернии чиновник К. И. Попов. В связи со служебными поручениями он совершал поездки по уездным городам, бывал среди тамошних купцов, оценивал характер их общения с представителями губернской администрации. Попов высказывал свои суждения о купеческом обществе разных городов, в том числе и Саратова¹⁶. Описания большинства из них даны в воспоминаниях петербургского чиновника В. И. Беккера¹⁷. Его впечатления о внешнем облике Вольска позволяют судить о том, какие стороны столичной культуры были восприняты вольскими купцами в первой половине XIX в.

Особую ценность для изучения культурных новаций в купеческой среде могут представлять мемуары и дневники, которые были результатом творчества саратовских купцов. К настоящему времени выявлен только один такой дневник, основное содержание которого относится к периоду до 1865 года. Его рукопись хранится в Государственном архиве Саратовской области, при описании она получила заголовок «Дневник Д. М. Вакурова»¹⁸. В данном случае не были учтены наблюдения саратовских архивистов начала XX века. Дело в том, что при поступлении этой рукописи на хранение в Саратовскую ученую архивную комиссию в 1909 г. член комиссии В. И. Серебряков установил на основании ее содержания, что записи в дневнике внесены двумя авторами – Дмитрием Максимовичем Вакуровым, а затем, после его смерти – его сыном Василием Дмитриевичем¹⁹. Серебряков опубликовал фрагменты из этого дневника, в которых зафиксированы метеорологические наблюдения авторов²⁰.

Характеристика купечества городов Саратовской губернии впервые дана в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г. по инициативе саратовского губернатора П. У. Белякова (впервые оно было опубликовано совсем недавно)²¹. Следует иметь в виду, что в данном описании нет Николаевска, Новоузенска и Царева. Эти города были

образованы в 1836 г.²² а в 1851 г. Николаевский, Новоузенский и Царевский уезды были присоединены к Самарской и Астраханской губерниям²³. О купечестве губернского города в нем сказано следующее: «Состояние здешних купцов крайне посредственное: знатных капиталистов нет, настоящих купцов, издревле род свой ведущих, весьма мало, а большая часть из новоприписавшихся в купеческое звание в недавних годах». Для нас наибольший интерес представляет замечание авторов этого документа о том, что даже самые зажиточные купцы Саратова имеют доходы, «доставляющие им прожитие, хотя и незнающее, но довольное по их недалежному вкусу, мало чем крестьян зажиточных превышающему...»²⁴. Это означает, что образ жизни самых богатых купцов Саратова мало отличал их от богатых крестьян.

О вольских купцах сказано совершенно по-другому: «Промышленность волских купцов возникла с открытия города. Удобность местоположения города, выгодная водяная коммуникация по Волге, избыток граждан по землям и наипаче отличное рачение их к торговле и промыслам привели город в самое цветущее состояние»²⁵. Ко времени составления «Топографического описания» во всей губернии только купцы этого уездного города выделялись своими успехами в торговле и богатством. Другие города, включая и Саратов, не могли похвалиться энергично обогащавшимся купечеством. О камышинских купцах в описании сказано только то, что среди них «есть достаточные»²⁶. Почти во всех остальных городах торговлей занимались далеко не все, кто записался в купечество. Купцам и мещанам Хвалынска в данном источнике посвящены следующие высказывания: «Купцы и мещане, быв в сие звание не по своей воле, но при переименовании села городом более по необходимости обращены, не имеют прямо с сим званием соответствующих капиталов и промыслов... Все граждане вообще недостаточны, богатых очень мало, и то единственно приписавшиеся в купечество из крестьян...»²⁷ Купцы и мещане Кузнецка также «не по своей воле» были записаны в эти сословия, при этом они не имели ни капиталов, ни «наклонности к торгу»²⁸. О сердобских купцах сказано то же самое, с уточнением – «промысел купеческий не более 10 человек отправляют»²⁹. Благосостояние царицынских и петровских купцов, видимо, даже не вызывало желания сказать что-либо на этот счет. О царицынских купцах упоминается в связи с тем, что в городе есть каменные лавки в количестве 28, и только в 5 из них торгуют местные купцы³⁰. О петровских купцах и мещанах – что они имеют собственные лавки в количестве 16³¹. В Аткарске из записанных «по необходимости» в купцы жителей «в торгах никто не обращается»³². Сведения о купцах из «Топографического и исторического описания Саратовской губернии» показывают, что в большинстве городов в их среде невозможно было встретить претензий на какие-

либо подражания традициям европеизированной дворянской культуры. Однако исключение в этом отношении благодаря своему богатству составляли вольские купцы, которые смогли украсить свой город каменными особняками. Значительный импульс их быстрому обогащению, а также и каменному строительству в Вольске, был придан откупной деятельностью его именитого гражданина В. А. Злобина. Она продолжалась с начала 90-х гг. XVIII в. до 1812 г. В течение этого периода Злобин почти постоянно жил в Петербурге³³.

Богатый откупщик, в конце концов, разорился, его имущество было продано с торгов, а на жителей города остался огромный долг (городское общество выступало поручителем по обязательствам Злобина)³⁴. Однако богатейшие вольские купцы сохранили свои капиталы, и размах их торговых операций не претерпел изменений. Есть основания полагать, что связи вольских купцов с Петербургом продолжали существовать и в дальнейшем, после разорения Злобина. Столичный чиновник В. И. Беккер, побывавший в Саратовской губернии в 1842 г., с удивлением описывает внушительные размеры вольских храмов. Особого внимания заслуживает его замечание о том, что новый православный собор в Вольске имел «удивительное сходство с петербургским Преображенским собором»³⁵. Сходство этой церкви со столичным собором – очень интересный факт. Он говорит о том, что и тогда существовали связи вольских богатых купцов с Петербургом и что они воспринимали в качестве образцов современную им петербургскую архитектуру.

В начале XIX в. в Вольске было 23 каменных дома, что по тем временам было редкостью для уездного города³⁶. Каменный дом воспринимался тогда не только как символ «регулярного города», но и как признак городского образа жизни³⁷. Специалисты считают, что во второй четверти XIX в. в городе было построено большинство зданий, которые и ныне украшают его центр, причем все они обладают явными признаками классицизма³⁸. Каменным сооружениям «вторили» деревянные особняки. Сдержанные и благородные формы заняли господствующее положение в архитектуре этого уездного города. Новые для провинциальных городов начала XIX в. художественные вкусы, как видим, отразились и в созидании храмов, и в строительстве особняков. В этой области купцы Вольска выступали сторонниками новаций.

В губернском городе процесс усвоения купечеством дворянской культуры, вероятно, начался позднее. Об этом можно судить на основании мемуаров саратовского чиновника К. И. Попова. По его словам, в 20-е гг. в губернском городе «дворянство как-то от купечества отделялось», на балах редко бывали жены и дочери купцов, знакомства молодежи из купеческих семейств с дворянами не поощрялись. В то же самое время «иные купцы желали и искали случая, чтобы своих дочерей отдавать замуж за дворян (но не за простых чиновни-

ков) и сыновей женить на их дочерях, чтобы иметь крепостных людей и деревеньку с крестьянами на их имена...», но таких купеческих семейств было мало»³⁹. Подобные явления хорошо известны по источникам из других городов России.

К 50-м гг. XIX в., по замечаниям Попова, саратовские купцы уже активно использовали многие стороны дворянской культуры: «В настоящее время купеческий класс превзошел дворянский, как в образовании детей своих, в светской жизни, так и в высшей степени роскоши в нарядах; купцы щеголяют экипажами, лошадьми, упряжью, наемною прислугою и имеют, вместо кухарок, поваров; детей своих учат танцам, музыке, пению и иностранным языкам. Дома их, как по наружному, так и по внутреннему устройству отличаются особенною чистотою в мебелировке комнат. Живут с большим комфортом и для славы своей не жалеют ничего»⁴⁰. Как видим, в описании преобладают внешние признаки, которые отличали в глазах современников сословную культуру дворянства в первой половине XIX в. Мемуариста более всего интересовали новации в сфере повседневной жизни и отчасти – в области образования и воспитания.

Однако не только тяготение к усвоению привлекательных сторон дворянской культуры можно увидеть в 50-е гг. XIX в. в среде саратовского купечества. К тому времени здесь уже оформились новые культурные приоритеты, купцы начали выступать инициаторами создания новых элементов культурного потенциала и культурно-коммуникативных центров губернского города. В качестве нового ориентира в купеческой среде проявляется стремление к обеспечению своим детям высшего образования. Осуществить это могли только самые состоятельные из купцов, и потому такие факты были редкими, но они отмечены в источниках и в исследованиях. В 40-е гг. XIX в. один из представителей купеческой семьи Шехтелей, Осип Осипович, уехал из Саратова и окончил Санкт-Петербургский технологический институт. Позднее он вернулся в губернский город и помогал своему старшему брату вести дела⁴¹. В 1851 г. сын купца Д. М. Вакурова Василий после окончания гимназии поступил в Казанский университет, а в 1855 г. он вернулся в Саратов⁴². По сведениям, которыми располагают М. В. Бульчев и Е. К. Максимов, В. Д. Вакуров имел ученую степень, хотя и занимался после окончания университета купеческим делом⁴³. Примерно в то же время, а, возможно, и раньше, в Московском коммерческом училище получили образование саратовские купцы А. М. Буркин и Х. И. Образцов⁴⁴.

Инициаторами создания новых элементов культурного потенциала и культурно-коммуникативных центров Саратова были представители тех же купеческих семей, дети которых учились в высших учебных заведениях. Так, Д. М. Вакуров вошел в историю Саратова как основатель книжной торговли в городе. Нам не известна точная

дата открытия его книжной лавки, современники называли приблизительную дату – 30-е гг. XIX в. Саратовские краеведы Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский, посвятившие специальную статью истории книжной торговли в губернском городе, отвели в ней немалое место деятельности Вакурова и дали характеристику его личности⁴⁵. Они пишут, что Вакурова считали в Саратове необыкновенным человеком. Он происходил из крестьян Владимирской губернии. В 1825 г., как отмечено в его «Дневнике», он «откупился на волю от господина Бутурлина Петра Михайловича» и в 1826 г. «определился» в саратовское купечество⁴⁶. Вакуров обладал выдающимися деловыми качествами и быстро нажил капитал. Кроме того, он был человеком добросовестным и достойным доверия, поэтому был избран в число ратманов, а в 1843 г. стал городским головой. В 1844 г., как сообщает он сам, был уволен от должности по болезни, а в 1846 г. вновь избран в городские головы⁴⁷.

Духовников и Хованский отмечают, что «по уму и по отличавшей его правдивости, он занимал видное место в обществе. За ним были и симпатии низшего класса общества, саратовских мещан и мелких торговцев, интересы которых он отстаивал всегда». Среди купечества он выделялся «и по уму, и по платью»⁴⁸. Выдающиеся качества этого человека, конечно, были особенностями его личности. Можно думать, что некоторые черты он приобрел и благодаря той среде, в которой вырос и воспитывался. М. В. Булычев выяснил, что Вакуров родился в селе Палех Вязниковского уезда Владимирской губернии. Как и многие крестьяне этой губернии, он занимался развозной торговлей (был офеней, по терминологии того времени), что позволило ему разбогатеть и выкупиться на свободу⁴⁹. Особого внимания заслуживает то, что Вакуров был уроженцем Палеха. В этом селе с начала XVII в. существовал иконописный промысел, к концу века здесь сложился своеобразный художественный стиль. Начиная с того времени жители села занимались офенской торговлей, распространяя свои иконы⁵⁰. К началу XIX в. искусство палешан приобрело широкую известность, здесь были свои художественные династии. Это наложило отпечаток на духовный облик жителей села, их называли «народом развитым, исполненным светлых убеждений»⁵¹. Не удивительно, что Вакуров был не просто грамотным человеком, а понимал ценность книги.

Книжная торговля Д. М. Вакурова началась с того, что он покупал для себя книги, которые привозили в Саратов на ярмарку, и познакомился с книжными фирмами. Он выяснил размеры спроса на книги среди саратовцев и затем устроил, так сказать, книжное отделение в своей лавке в гостином дворе, где он торговал галантереей. Лавка Вакурова была затем переведена в его собственный дом, вблизи Троицкого собора. О характере книжной продукции в этой лавке сведений не

сохранилось, предполагают, что в основном это была учебная литература. В сороковые годы Вакуров прекратил книжную торговлю. Известно, что после избрания его городским головой он уже не мог уделять достаточно времени своим торговым делам⁵².

Первый купеческий клуб под названием «Саратовское городское собрание» появился в губернском городе в конце 30-х гг. XIX в. Инициаторами его создания выступили немцы-предприниматели⁵³. Прошение на имя саратовского губернатора об открытии немецкого танцевального клуба было подано в 1840 г. группой немцев, некоторые из них были владельцами предприятий, а другие – «занимали видные места в саратовской администрации». Целью его создания было названо «приятное препровождение времени в часы досуга». Хованский выяснил, что фактически клуб уже существовал к тому времени, когда было подано прошение⁵⁴.

Разрешение на открытие было дано, после чего был составлен устав клуба и подан на рассмотрение правительства. Согласно уставу «в клубе допускались танцы, чтение газет и других изданий, игра в карты и в шахматы»⁵⁵. Его инициаторы, в соответствии с законами того времени, должны были зарегистрировать свое «вольное собрание». Однако на пути утверждения устава клуба возникли препятствия, его содержание пришлось изменить. В 1843 г. устав был утвержден. Клубу присвоили название «саратовское городское собрание», поскольку название «немецкий клуб» вызвало возражения со стороны правительства. Термин клуб не считался «приличным», а определение «немецкий», очевидно, не входило в концепцию государственной идеологии (немцы не были ни православными, ни русскими). Клуб находился вначале в доме одного из основателей – Штейна, а потом переехал в другой частный дом. Дата прекращения его существования не известна. Судя по содержанию статьи Хованского о саратовских клубах, во второй половине 50-х гг. он уже не существовал.

Несмотря на то, что его официальное название не соответствовало первоначальному, обозначенному в первом варианте устава, в памяти жителей города он остался как немецкий клуб. Под этим названием он упоминается в мемуарах В. А. Шомпулева, который сообщает некоторые подробности о функционировании клуба. Его посещали местные солидные помещики, которые занимались там игрой в карты⁵⁶. Кроме того, в клубе устраивали маскарады, в которых принимали участие представители местного «высшего общества»⁵⁷. Клуб являлся первым опытом объединения людей купеческого сословия для общения в свободное время. Вероятно, довольно скоро после его открытия саратовские дворяне стали посещать клуб и даже устраивать в нем свои мероприятия. Таким образом, состав его посетителей и характер мероприятий были шире, чем предполагалось

первоначально его создателями. Тем не менее, сама идея объединения для проведения свободного времени лиц, принадлежавших к купечеству, оказалась плодотворной.

Продолжением «дела, начатого фабрикантами-немцами», по словам Хованского, было основание саратовского купеческого клуба (впоследствии он получил название коммерческого) в 1858 г.⁵⁸, который оказался гораздо более долговечным, чем его предшественник. О его организаторах у Хованского было больше сведений, чем о создателях саратовского городского собрания. Эти сведения показывают, что в то время среди купечества встречались люди образованные и с широким кругом интересов. Они принимали участие в «интеллигентных кружках», которые возникли в городе в середине 50-х гг. XIX в. Хованский дает характеристику этих кружков и их участников, подчеркивая, что в них отразилось «умственное движение, которое охватило все русское общество после Крымской войны». Он пишет, что члены кружков «устраивали чтение журналов и книг и беседы по поводу прочитанного».

Важно то, что автор статьи называет имена «некоторых из образованных людей местного купечества», которые их посещали: «Таковы были Х. И. Образцов, А. М. Буркин, В. К. и К. К. Шапошниковы, Т. Е. Жегин, В. Д. Вакуров». Из названных Хованским лиц братья Шапошниковы были московскими купцами, временно проживавшими в Саратове, а все остальные – саратовскими⁵⁹. Именно этих людей, пишет Хованский, и считали основателями купеческого клуба. Таким образом, благодаря инициативам образованных представителей местного купечества в Саратове появился новый культурно-коммуникативный центр – купеческий клуб. Нельзя считать случайным то, что создавали его дважды. В первой половине XIX в. в русской провинции подобное объединение представителей купеческого сословия для организации досуга было культурным новшеством. Вероятно, поэтому оно «прижилось» не сразу. Может быть, в 40-е и в начале 50-х гг. среди саратовских купцов было слишком мало людей, которые в свободное время предпочитали «танцы, чтение газет и других изданий, игру в карты и в шахматы»⁶⁰ традиционным развлечениям. К концу 50-х гг. количество купцов, которые были заинтересованы в существовании клуба, оказалось вполне достаточным, чтобы он возродился вновь.

В то же самое время представители богатого купеческого семейства Шехтелей смогли поддержать театрально-музыкальную жизнь Саратова на период, когда шло строительство нового здания театра (в 1858 г. старое здание было снесено). Ф. О. Шехтель не только создал новую театральную площадку. Он выступил новатором в области организации культурно-коммуникативного центра, который соответствовал запросам

современности. В 1859 г. Шехтель построил в своем загородном саду «летний вокзал для танцев» (вокзал, по терминологии того времени, – музыкально-танцевальный зал). К нему была пристроена сцена для театра. По окончании спектакля по желанию публики устраивались танцы. В самом начале существования театра в нем давали не только театральные представления, но также просвещали публику, наглядно знакомя ее с астрономией и геологией, показывая «туманные картинки». Там же устраивались иллюминации и фейерверки. Как пишет Самохвалова, это была невиданная доселе зона отдыха, которая стала излюбленным местом отдыха горожан⁶¹. Театр в то время действовал с мая по сентябрь – он был летним. В зимние месяцы спектакли ставились в доме Ф. О. Шехтеля на Московской улице.

С 1865 г. антреприза театра была передана его младшему брату О. О. Шехтелю. К сожалению, это купеческое семейство вскоре постигло разорение, а в 1867 г. оба брата умерли. Любителем театра был представитель еще одного богатого купеческого семейства, родственник Шехтелей Т. Е. Жегин. Как отмечает Самохвалова, он принимал участие в организации благотворительных вечеров и концертов⁶².

Важным новшеством в духовной культуре купечества следует назвать формирование в его среде представления о самоценности человека своего сословия. Создание произведений мемуарно-дневникового характера является показателем данного процесса. В первой четверти XIX в. (примерно в 1822 г.) саратовский купец Д. М. Вакуров начал делать записи в дневнике, которые вел до своей смерти в 1865 г. Дневник был продолжен его сыном⁶³. Как уже отмечалось, саратовцы считали Вакурова необыкновенным человеком. Ведение им дневника служит подтверждением этого мнения. В дневнике Вакуров фиксировал важнейшие события в жизни своей семьи⁶⁴. Среди источников мемуарно-дневникового характера, появившихся в Саратове в первой половине XIX в., это пока единственный, известный нам, дневник, который вел купец. В его содержании отразились такие грани облика местных купцов, как стремление к просвещению, к пополнению своих знаний, и в то же время – отсутствие тяготения к рефлексии по поводу событий, запечатленных на бумаге.

Сведения о культурных новациях в среде саратовского купечества, которые появлялись за период с конца XVIII в. до середины XIX в., сохранились в основном в источниках, которые освещают жизнь купечества Вольска и Саратова. В начале XIX в. купцы большинства городов губернии, кроме Вольска, были бедны и вели образ жизни, близкий к крестьянскому. На протяжении полувека изменились культурные приоритеты в купеческой среде. В этой сфере появилась ориентация на обеспечение купеческой молодежи получения высшего образования. Купеческая среда губернского города стала взаимодействовать более активно с культурно-

коммуникативными центрами и с учреждениями культурного потенциала. Результаты этого стали заметны в 50-е гг. XIX в.

Новшества в культурной среде саратовского купечества определялись тремя основными факторами. Как в XVIII в., так и в начале XIX в. уровень благосостояния купеческого семейства определял возможности усвоения элементов сословной культуры дворянства, в том числе соответствующего образования и воспитания. В дальнейшем этот фактор продолжал оставаться актуальным. Вторым фактором, судя по всему, была «деловая подвижность» купцов, их деловые связи с другими губернскими городами, и – особенно – со столицами. Они способствовали приобщению к новациям в области художественной культуры. Интересным и своеобразным явлением в культурном пространстве Саратовской губернии было усвоение вольскими купцами столичных художественных вкусов. Третий фактор – существенные изменения в области русской культуры в первой половине XIX в., рост приоритета грамотности и образования, возникновение новых форм культурного общения (кружки, клубы). Новые явления, характерные для середины 50-х гг., не обошли стороной купечество Саратова. Саратовские купцы принимали участие в интеллектуальных кружках. Возникновение мемуаротворчества в купеческой среде Саратова в первой половине XIX века дает основание указать на наличие в ней самосознания личности.

Примечания

- ¹ Свирида И. И. Культура и пространство; аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 10.
- ² См.: Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М., 1997. С. 149.
- ³ Семенова А. В., Аксенов А. И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007. С. 3.
- ⁴ Очерки русской культуры XIX века. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 152–153.
- ⁵ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. О развитии книжной торговли в Саратове // Саратовский край : Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 323–352; Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы в Саратове // Там же. С. 353–362.
- ⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993 ; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010.
- ⁷ Кузнецов В. В. Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007.
- ⁸ Там же. С. 143–183.
- ⁹ Кузнецов В. В. Участие волжского уездного купечества в общественной жизни Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Саратовский краеведческий сборник : научные труды и публикации. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 3–17.
- ¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹ Булычев М. В., Максимов Е. К. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 26–31.
- ¹² Самохвалова Н. В. Роль купцов Шехтелей и Жегиных в культурной жизни Саратова // Культурное пространство города : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. С. 94–101.
- ¹³ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011.
- ¹⁴ [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым : в двух частях. СПб., 1839.
- ¹⁵ Костомаров Н. И. Поездка в г. Волгск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. 3. С. 87–111.
- ¹⁶ [Попов К. И.] Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край... С. 155–236.
- ¹⁷ [Беккер В. И.] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22.
- ¹⁹ Серебряков В. И. Выдержки из дневника гг. Вакуровых // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 192.
- ²⁰ Там же. С. 193–203.
- ²¹ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011.
- ²² [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. С. 118.
- ²³ Мордовцев Д. Л. Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отд. 3. С. 58.
- ²⁴ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии... С. 35.
- ²⁵ Там же. С. 42.
- ²⁶ Там же. С. 67.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 90.
- ²⁹ Там же. С. 96.
- ³⁰ Там же. С. 77.
- ³¹ Там же. С. 85.
- ³² Там же. С. 102.
- ³³ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 90.
- ³⁴ Там же. С. 95.
- ³⁵ [Беккер В. И.] Указ. соч. С. 3.
- ³⁶ Кузнецов В. В. Купечество малых волжских городов... С. 42.
- ³⁷ Кошман Л. В. Города и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 76.
- ³⁸ Терехин С. О. Века и камни : (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 18.
- ³⁹ [Попов К. И.] Указ. соч. С. 178–179.
- ⁴⁰ Там же. С. 179.

- ⁴¹ Самохвалова Н. В. Указ. соч. С. 96.
⁴² ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 12.
⁴³ Булычев М. В., Максимов Е. К. Указ. соч. С. 30.
⁴⁴ Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы... С. 344.
⁴⁵ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. О развитии книжной торговли... С. 326–332.
⁴⁶ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 329–330.
⁴⁹ Местное самоуправление Саратова : История и современность. Саратов, 2005. С. 27–28.
⁵⁰ Некрасова М. А. Искусство Палеха. М., 1966. С. 16–20.
⁵¹ Там же. С. 47.
⁵² Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 332.
⁵³ Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы... С. 353.
⁵⁴ Там же. С. 354.
⁵⁵ Там же. С. 353.
⁵⁶ Шомпулев В. А. Провинциальные типы сороковых годов // Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 54.
⁵⁷ Шомпулев В. А. Ряд похищений и увлечений // Шомпулев В. А. Записки... С. 102.
⁵⁸ Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 354.
⁵⁹ Там же. С. 344.
⁶⁰ Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 353.
⁶¹ Самохвалова Н. В. Указ. соч. С. 97.
⁶² Там же. С. 98, 99.
⁶³ Серебряков В. И. Указ. соч. С. 192.
⁶⁴ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22.

УДК 94(47).084.3

ГАРНИЗОННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА ЗАЩИТЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

А. А. Симонов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail.ru

В статье рассматривается участие отрядов, сформированных из тыловых гарнизонов Казанского военного округа, в событиях, связанных с утверждением советской власти на территории Поволжья и Урала.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война в России, Казанский военный округ, тыловые гарнизоны, демобилизация русской армии, советское военное строительство.

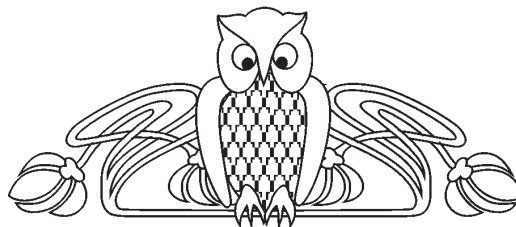
Garrison Units of Kazan Military District in Fight for Soviet Ascention to Power

A. A. Simonov

Article focused on participation of military units from Kazan-region military reserve, deployed for protection of Soviet power in the Volga and Ural regions

Key words: October Revolution, Civil war in Russia, Kazan military district, rare garrisons, Demobilization in the Russian Army, Soviet military building.

После Октября 1917 г. большевистский прагматизм не сразу отверг многие государственные институты предшествующего режима. К вооружённым силам это относилось в первую очередь. Страна продолжала участвовать в мировой войне, её армия и флот оставались важнейшим фактором сдерживания внешней угрозы. Идея альтернативных вооружённых сил, в частности народного ополчения или, по-другому, всеобщего вооружения народа, — ещё требовала теоретиче-

ского осмысления, не говоря уже о практике. Для новой власти неизбежным оказалось решение использовать, хотя бы временно, старую военную машину.

На тот момент русская армия представляла собой гигантскую социальную массу. На фронте в октябре 1917 г. находилось более 6 млн солдат и офицеров. В тыловых гарнизонах — около 1,4 млн¹. Держать под контролем такое количество военнослужащих было крайне сложно. Дело усугублялось прогрессирующим разложением вооружённых сил, запущенным ещё при Временном правительстве. В целом же процессы, которые шли в русской армии в конце 1917 г., представляли собой результат взаимодействия объективных и многочисленных субъективных факторов и не контролировались какой-либо политической партией, в том числе и большевиками². Военнослужащие принимали непосредственное участие в политической жизни страны, и от их отношения к происходящим событиям во многом зависела судьба нового государственного строя. Советская власть нуждалась в эффективном решении армейского вопроса.

Созданию военных органов Советского государства положил II Всероссийский съезд Советов. 26 октября 1917 г.³ его делегаты приняли постановление о создании фронтовых и армейских временных революционных комитетов⁴, распоряжениям которых обязаны были подчиняться командующие фронтами и армиями. Деятельность новых органов носила чрезвычайный характер. Главной задачей считалось установление в армей-